ВѢДЬМА.
(Украинская сказка.)

Жилъ былъ гдѣ-то на Украйнѣ, въ тихомъ долочку, въ своемъ домочку, въ селѣ большомъ и богатомъ, не хуже самой Решетиловки, парень-друзяка, казакъ проворный, моторный, жартовливый и работящій; всѣ дивчата бывало изъ-подъ локтя, мимоходомъ, смѣючись, на него залицаются; нѣтъ безъ него вечерницы, нѣтъ радости на улицѣ, нѣтъ и веселья, гульбы на сватьбахъ; но и работа мало у кого спорилась супротивъ нашего казака: бывало, что ни занесетъ косу, то полкопны наворотитъ; а разъ, помню, сталъ онъ Москалей, Русскихъ, дразнить какъ они молотятъ цѣпомъ, справа налѣво, да еще и черезъ руку, пошалилъ, говорю, съ полъ-годинки, да копну и вымолотилъ, шестьдесятъ сноповъ! да!

Вотъ и стали отцы да матери подсылать къ нему людей поговорить съ нимъ: такъ куда! и слышать не хочетъ; а бывало, какъ

станутъ ему говорить: «слышно, казаче, что ты ручники побралъ,» т. е. посватался и сговорился - такъ онъ въ отвѣтъ, насунувъ шапку смушковую на лѣвое ухо: «брехаты не цѣпомъ махаты: брехнею свитъ пройдешь, та назадъ, кажуть, не вернесся,» или: «брехалы твого батька сыны, то и ты зъ ными.» А какъ ему на это: «да мы слышали, казаче, отъ людей»; такъ онъ въ отвѣтъ, махнувъ рукой: «абы булы побрязкачи, будутъ и послухачи. На здоровье!»

Однакоже, долго ли нѣтъ ли вередовалъ казакъ нашъ такимъ образомъ, нашелъ и онъ свою зозуленьку, кукушечку: на вечерницахъ съ нею, по улицамъ за нею; въ коршуна ли, въ горѣлки, въ гуси - гдѣ она, тамъ и онъ съ нею только и женихался и гадалъ и жартовалъ; а бывало, гдѣ поймаетъ ее, то уже такъ притовкмачитъ, что три дня синятины стоятъ.

«Ладно!» подумали люди; «придетъ Аннино зачатіе, 9 декабря, такъ увидимъ что увидимъ. Господы благослови стару бабу на постолы, а молоду на кожанцы!»

«Ладно!» ворчали дивчата; «онъ еще оглянется, да очнется, коли съ этою поведется. Ангельскій голосокъ да чортова думка!» - «Вродыла мама, що не прійма и яма» говорили другіе дивчата: «съ этого веселья каково-то будетъ похмѣлье; а ей давно мѣсто тамъ, гдѣ козамъ рога правятъ. Это штука!»

Между-тѣмъ, люди говорили, толковали - а казакъ себѣ на умѣ: «свѣтилъ бы мнѣ ясный мѣсяцъ» думалъ онъ; «а звѣздочки какъ себѣ хотятъ. На людей не угодишь.»

Вотъ пришла и осень, пришли обѣ пьятенки - 14 и 28 октября; пришло и пущенье, заговѣнье; идеть Филипповка. Лишь только наступило Аннино зачатіе, какъ начали старосты сновать по селу, а къ ночи опять домой - кто съ ручниками, высватавъ парню дѣвку, гордо и медленно выступалъ посреди улицы, а кто съ гарбузомъ, съ отказомъ, крадучись подъ тыномъ. Дивчата, собравшись въ свой кружокъ, разсказываютъ, что Гапка, Стеха, Устя просватаны... А за кого? Одна за Хому-Кожуха, другая за Козулю, третья за

Власа-Непейпива… А тутъ, глядь, и казакъ нашъ побралъ ручники, да только совсѣмъ не отъ той дѣвки, съ которою женихался, которую товкмачилъ, а совсѣмъ отъ другой, отъ бѣдной, убогой, только-что личикомъ бѣленька, бровями черненька, а то хоть къ старцамъ, къ нищимъ, итти, то въ ту жь пору.

Я сказалъ уже, что дѣло было на Украйнѣ: пусть же не пеняютъ на меня, что сказка моя пестра Украинскими рѣчами. Сказку эту прислалъ мнѣ тожь казакъ Грицько Основьяненко, коли знавали его. А что изъ пѣсни, что изъ сказки, слово не выкидывается; а выкинешь слово, не наверстаешь и тремя. Эта правда истинная; пусть толкуютъ объ этомъ сколько угодно, но пусть не спорятъ; а что какой-нибудь дикобразъ будетъ за это ломаться и бодриться, мовъ шкурать на огнѣ, такъ мнѣ, съ позволенія сказать, съ нимъ не дѣтей крестить: вольно Жиду свинины цураться, а бусурманину съ виномъ не знаться, люди и пьютъ и ѣдятъ, а Жидъ да Турокъ по мнѣ хоть згинь, хоть высхни!

И такъ, дѣло было на Украйнѣ, то есть, не то въ Полтавской, не то въ Черниговской: потому что Кіевскихъ да Харьковскихъ Украинцы не очень признаютъ своими; а нашего брата, Херсонскаго да Екатеринославскаго, такъ ужь и въ грошъ не ставятъ. Ну, даромъ; я таки придерусь гдѣ-нибудь къ мѣсту, что хмѣль къ тыну, да отстою своихъ - а теперь стану сказывать сказку свою. Надо сказать еще, какъ вѣдьма испортила было Ивасю, да увела его, а Ивася посадилъ ее въ печь - словомъ, осталось еще досказать много.

И такъ, казакъ нашъ откинулся отъ дивчины, съ которою было женихался: покинутая дѣвка ославилася, проходитъ годъ, и другой, и третій - никто ее не беретъ, и дожила она до сѣдой косы. Дѣло въ томъ, что мать этой дѣвки была отъявленная вѣдьма, и что казакъ нашъ самъ видѣлъ, какъ она, перемахнувъ чрезъ тынъ, въ одной рубахѣ, съ распущенными волосами, доила коровъ на чужомъ дворѣ. Послѣ этого, кажется, и толковать нечего, и казаку нашему родниться съ вѣдьмою не

приходится. Онъ плюнулъ да и отошелъ: «упырь съ нею, съ католичкою, связывайся, а не я!» И не прошло году, какъ вѣдьма стала учить дочь свою своему нечестивому чоклованью, колдовству, травы съ нею собирала, коренья сушила, зелье готовила, кошачей кровью приправляла; а какъ умерла, такъ и передала всю науку свою и ненависть къ казаку нашему дочери, которая, слетавъ на Лысую-Гору, подъ Кіевъ, стала вѣдьмою сполна, какъ, сами знаете, вѣдьмы бываютъ, и съ хвостикомъ, и съ чортовой думкой, и со всѣми сатанинскими пакощами.

А вотъ я ужь къ одному мѣсту и придрался: не хотите вы, Украинцы, признавать Кіевлянъ своими, а за чѣмъ же вѣдьмы ваши на поставленіе летаютъ подъ самый Кіевъ, на Лысую-Гору? что, не правда моя? Съ Москалями и съ Русскими чертями они, вѣдьмы, извѣстное дѣло, не знаются; такъ къ кому же они туда летаютъ? Стало быть, Кіевляне вамъ свои.

Дочь перехитрила и перещеголяла въ чоклованьѣ мать; а зла, что не приведи Господь! И что она выгадывала да выкидывала бѣдному человѣку и женѣ его - такъ къ ночи страшно и разсказывать. Онъ выстроитъ себѣ хату, избу, хозяюшка вымажетъ ее бѣленько, а обводы обведетъ желтые: а вѣдьма заберется туда первая, подыметъ стукъ, шумъ, крикъ, галасъ, реготню, выживетъ-таки бѣдняка; и всѣ люди крещеные хату далеко обходятъ, а пуще ночью. Онъ поставитъ битую печь, грубку, и дымволокъ на рѣзныхъ грабовыхъ ножкахъ: вѣдьма влѣзетъ въ нее, раздуетъ ее, разопретъ; строй и клади снова! Онъ выстроитъ избу другую, и освятитъ и окропитъ мѣсто, и только-что покроетъ ее гладенько соломою: вѣдьма бестія таки среди бѣлаго дня вихремъ налетитъ, солому взобьетъ, повысмыкаетъ, латвины потрощитъ, кроквы поваляетъ - ну таки дня не пропуститъ безъ пакости! Хозяйка обзаведется коровкой, овцами: вѣдьма аспидская ночью ихъ выдоитъ, хоть брось; и молока не даютъ, да и мясо грѣшно ѣсть

послѣ нечестивыхъ вѣдьминыхъ рукъ. Въ полѣ хлѣбецъ поспѣетъ: вѣдьма со всего свѣта поскликаетъ товариство свое, пляску такую подымутъ на нивѣ, что вытопчутъ все, хуже чѣмъ барская псовая охота. Мужикъ плачетъ, да и полно. Этого мало: Богъ благословитъ чету, обѣщаетъ имъ родительской радости; а она, вѣдьма, анаѳемская вѣра, ночью и выкрадетъ у матери нерожденное дитя, и нырнула съ нимъ въ трубу, и была такова; а сама окаянная, а у самое - отколь ни взялась дочь Оленка; говоритъ, что подкинули, а, чего, чай на Лысой-Горѣ съ упыремъ перевѣнчалась!

Бѣдный казакъ нашъ черезъ эту бѣсову вѣдьму обнищалъ было совсѣмъ; молитвой не отмолится, крестомъ не открестится - хоть удавись, хоть утопись. Но вотъ, Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья: вѣдьма наша отправилася на сватьбу какой-то знаменитой вѣдьмы, и, какъ невѣнчанная дѣвка, ходила въ дружкахъ; а какъ привела байстра, то и бѣгала съ приданками, съ обѣда на обѣдъ, изъ Кіева на Карпаты,

оттолѣ въ Конотопъ, тамъ на Кавказъ, да къ свату въ Сибирь, да къ поселеннымъ Хохламъ, въ Кардаиловку, за Уралъ-рѣку, да къ старшему боярину въ Бердичевъ, да этакъ пробѣгала, протаскалася годъ со днемъ; а у нашего мужичка, у казака, родился между тѣмъ сынокъ, Ивашко, да такой гарненькій, что хоть сейчасъ его, пришивъ крылышки, на вербочку! Вѣдьма, воротившись домой да навѣдавшись черезъ трубу къ казаку - а уже извѣстно, что вѣдьма дверей растворить не потрудится - какъ навѣдалася, да узнала что прогуляла, такъ со злости и зубами скреготала, и по собачьи скавучала и по волчьи выла - да ба! ничего не могла сдѣлать. Извѣстно, что дитя до семи лѣтъ есть младенецъ, какъ ангелъ святой, и уже никакая вѣдьма невластна надъ нимъ, ни же надъ татою и ненькою его, надъ отцемъ и матерью, ни даже надъ худобою ихъ, надъ добромъ и животинкою. Вѣдьма рѣшилась терпѣть семь лѣтъ, а тамъ уже, во что бы ни стало, отмстить за все вдвое. Дьявольское отродье дьявольское и думаетъ и гадаетъ.

Казакъ нашъ съ хозяйкою своею забыли между тѣмъ про лиху бѣду минувшую: баба пряла, ткала, выткала не знать сколько плахтъ да запасокъ, красила сама волну, шерсть, - а работяща была и она, да выткала съ десятокъ ковровъ узорчатыхъ, цвѣтистыхъ, съ пѣтушками, да съ квиточками, съ цвѣтками. А мужикъ пшеницу-арнаутку сѣялъ, собиралъ, да отправлялъ въ Одессу, гдѣ заморскіе купцы, у которыхъ либо денегъ до чорта, либо натура прожорливая, платятъ 25 и 30 и 40 рублей за четверть; первый годъ чумаковалъ онъ самъ, а тамъ уже сталъ посылать батрака, а тамъ отправлять цѣлые обозы - и разжился съ легкой руки; обзавелся и курочкой, и уточкой, и гуской, и посудинкой въ домѣ, и всякими овощами на огородѣ, а въ саду водились и сливы, и груши, и яблоки, а въ каморѣ стояла и вишневка, и терновка, и сливянка, для добрыхъ пріятелей - а что за роскошь, за раздолье, эта сливянка да вишневка: что твоя Французская!

А видалъ ли кто изъ васъ еще какъ это люди чумакуютъ? Завидная жизнь, раздолье, приволье, своя рука владыка; а простору-то, простору - Господи Боже мой! Только бѣда, какъ бисовы Москали верстовыхъ столбовъ по шляхамъ, по дорогамъ, наставятъ: того гляди задѣнешь, и проѣхать негдѣ; бѣда чумаку въ этой тѣснотѣ!

Однако, поколѣ мы тутъ баляндрясимъ, Ивашко подросталъ годъ за годъ, день за день, и уже тутъ ли, тамъ ли, помогалъ отцу да матери по господарству, по хозяйству. Его дѣло было выпустить свиней изъ загороды на паству; его дѣло переличить, пересчитать да пригнать домой уточекъ, а тутъ, глядишь, онъ же, сѣвъ въ каючокъ, въ челночокъ, перегонялъ гусей на тотъ берегъ рѣчки, пасъ ихъ тамъ, удилъ рыбку, собиралъ ягодки, какія въ какую пору родятся: земляничку, костянику, малину, а тамъ и калину, а тамъ, какъ уже утренники стали подергивать инеемъ листки, и тернъ. А добрая ягодка, коли кто ѣдалъ, и тернъ, когда ее морозъ

прохватилъ: кисленька, правда, ну да отъ нея недворянскій языкъ не покоробитъ. А мать Ивашкина, наваривъ обѣдать, выходила на рѣку и призывала его:

Ивашку, мій сыночку!

Прибудь, прибудь, голубчику.

Се тебе мате кличе,

Отъ тоби исты несе

На срибныхъ мысочкахъ,

На золотыхъ талирочкахъ.

Ивашко, по голосу неньки, матери своей, садился въ челнъ, гребъ потихоньку къ берегу и припѣвалъ въ отвѣтъ:

Човне, човне, швыдче,

Човне, човне, блызче!

То мене мате клыче,

То мини исты несе

На срибныхъ мысочкахъ,

На золотыхъ талирочкахъ.

Челнъ приплывалъ къ берегу, Ивашко ѣлъ что ему мать приносила, борщу ли съ бураками, каши ли съ саломъ, вареникoвъ ли; а мать возьметъ его, вычешетъ, вымоетъ, а въ недѣлю, въ воскресенье, принесетъ ему чистую сорочку - и Ивашко

опять отправляется на тотъ берегъ, въ луга, пасти гусей своихъ и присматривать, чтобы коршунъ либо хорекъ не перетаскали гусынятъ; а подъ вечеръ, взмахнувъ долгою лозою и закричавъ на отрядъ свой: «гиль, тега, гиль до дому! гиль до дому!» выгонялъ ихъ на плесу, пускался за ними въ челнѣ своемъ, пригонялъ ихъ домой, сдавалъ матери счетомъ, а поужинавши и помолившись - а уже онъ зналъ «Отче нашъ» до: «хлѣбъ нашъ насущный» - ложился съ Богомъ спать.

Вѣдьма, сидя на бережку подъ кусточкомъ, чего бы тутъ не сдѣлала со злости! А у нея и есть, правда, шелудивая дѣвчонка, Оленка, такъ я же говорю, что поганая: вся въ коростѣ; а какъ глупа - такъ не накажи Богъ ни нашихъ, ни вашихъ! Дура зеленая такая, что, бывало, скажи что хочешь ей, вылупитъ очи и смотритъ, какъ сыченокъ; поколѣ не дашь ей тумака, такъ не слышитъ, не видитъ; даже поганому чоклованью не могла научиться. Вѣдьма наша со злости и зубами скреготала, и собакою скавучала, и

волкомъ выла - да ба! дитя до семи лѣтъ младенецъ, какъ ангелъ святой: нѣтъ вѣдьмѣ надъ нимъ власти, ни надъ татою его, ни надъ мамою, ни же надъ всею ихъ худобою. Стала вѣдьма выжидать, когда минетъ Ивашкѣ семь лѣтъ. А развѣ и долго ждать? Да вотъ, покуда мы съ вами разговариваемъ, такъ время и ушло: Ивашкѣ минуло семь, пошелъ осьмой годочекъ, и вѣдьма приступила погубить его, во что бы ни стало; подслушала и вытвердила пѣсенку, которою мать прикликала его день за день.

Разъ, что-то долго не ладилося у матери въ печи, борщъ не укипалъ - можетъ статься и вѣдьма подпустила порчу такую; ужь и пора бы матери звать Ивашка къ обѣду - нейдетъ. Вѣдьма подошла къ берегу и запѣла рѣзкимъ, сиповатымъ, толстымъ голосомъ:

Ивашку, сыночку,

Прибудь, прибудь, голубчику -

Ивашко, какъ ни малъ онъ еще былъ, тотчасъ узналъ, что это не ненькинъ голосъ, плавный, чистый, тоненькій, а

потому и сталъ грестись отъ берега, напѣвая:

Човне, човне, швыдче,
Човне, човне, дали!
То мене видьма клыче,
Вона мене съисты хоче,
Съ рученьками, съ ножечками,
Съ косточками, съ кишечками.

Вѣдьма, поймавъ облизня, спряталась еще разъ въ кустахъ, выждала мать Ивашкину, подслушала еще разъ хорошенько пѣсенку и голосъ ея, и подумала: «постой, голосъ у меня толстенекъ; этому можно пособить». Вѣдьма пришла къ ковалю, къ кузнецу, и сказала: «ковалю, ковалю, скуй мнѣ такой тоненькій голосокъ, какъ у Ивашкиной матери!» Ну какъ ковалю не послушаться вѣдьмы? она ему, чай, не разъ и не два еще пригодится и понадобится. Онъ разложилъ углей, раздулъ, ухватилъ вѣдьминъ голосъ клещами, раскалилъ его какъ жаръ красный и сталъ отработывать молотомъ: тукъ да стукъ, стукъ да тукъ - а скалки, искры, такъ и сыплятся. Коваль выковывалъ,

потягивалъ, перетягивалъ и выправлялъ вѣдьминъ голосъ: - а ну, попытайсь! - Вѣдьма прикинула голосъ: «ахъ, собака, перетонилъ! возьми навари.» Коваль взялъ мартіалу, раскалилъ, отрубилъ, наварилъ: - а ну, тетка, попытайсь теперь! - Вѣдьма встала, спѣла пѣсенку: «онъ бы и хорошъ, да дрожитъ, дребезжитъ, какъ у нашего пономаря съ перепою.» Опять поправлять, направлять - какъ разъ потрафилъ, ну сама мать Ивашкина не отличитъ отъ своего голоса. «Спасибо, сынку!» молвила вѣдьма - и была такова; только и видѣлъ ее коваль. А что кошту потрачено: уголья, угару на клещахъ, мартіалу! а работа, а время? все ни во что!

Ждетъ вѣдьма не дождется утра - а уже опять чортъ выносилъ ее по всѣмъ всюдамъ - а съ утра вышла на берегъ, ждетъ, скоро ли солнышко подымется въ ростъ выше хаты, а это было время обѣда. «Погоди» думаетъ она; «ужь развѣ свѣтъ совсѣмъ до горы ногами пошелъ, а то не миновать тебѣ моихъ рукъ.» И вотъ запѣла:

Ивашку, мій сыночку,

Прибудь, прибудь, голубчику -

Тотъ же голосъ, тотъ же напѣвъ и тѣ же пріемы, переливы; бѣдный малютка обманулся и отвѣчалъ:

Човне, човне, блызче,

Човне, човне, швыдче!

То мене мате клыче,

То мини исты несе...

Только что Ивашко нашъ присталъ къ берегу, какъ вѣдьма, кинувшись на него, хапъ-цапъ его, схватила, потащила и пискнуть не дала: ротикъ зажала ему, чуть не удушила. Пропалъ мой Ивашко не за цапову душу! упалъ съ ясени листокъ за то - что вихорь набѣжалъ! А мать Ивашкина вышла тѣмъ часомъ со стравою, со снѣдью, на бережокъ; ужь она пѣла, пѣла, прикликаючи Ивашка; опять походитъ и опять запоетъ, и гукаетъ его на весь голосъ со страхомъ и боязнію; уже сама плачетъ, сама поетъ - нѣтъ Ивашки! Выспѣвавши и выгукавши весь голосъ, пришла она въ слезахъ домой; и горюя какъ сизая горлинка, разсказала мужу, что Ивашки нѣтъ, что его вѣрно извела вѣдьма; а

выплакавши всѣ слезы, принялась печь да стряпать пироги, кныши, блинцы, буханцы... какъ быть! надо было помянуть Ивашка, какъ долгъ христіянскій велитъ. Извѣстное дѣло, на поминкахъ этихъ кусочекъ съѣшь, а слезою запьешь - ну да дѣлать нечего: человѣкъ не собака, чтобы ему сгинуть безъ поминокъ!

А вѣдьма, поймавши Ивашка, принесла его домой, не знать куда, призвала Оленку и приказала: «возьми этого бѣлаго, курчавенькаго баранчика, обмой его, вымой, головку ему вычеши, прибери, опатрай, и сжарь; а я межъ-тѣмъ сбѣгаю въ Конотопъ, до Дядины: просила, чтобъ пришла поськатыся.» А близкій свѣтъ отъ нихъ, думаешь, Конотопъ? Да полтораста верстъ съ гономъ на добрыхъ коняхъ, а на плохихъ, мужицкихъ, будетъ и болѣ. Ну, нужды мало; ужь не впервые вѣдьмѣ нашей шмыгать туда-сюда, какъ сказывали мы уже давича: изъ Кіева на Карпаты, къ Руснакамъ, побратимцамъ Украинскимъ, оттолѣ подъ самый Каменецъ, тамъ въ Черкасы, да, чего добраго, еще и на

Кавказъ, а обратнымъ путемъ и на Кубань да въ Екатеринославль, потому-что и тамъ живутъ не католики, а крещеные казаки, хоть Полтавцы да Черниговцы и не признаютъ ихъ земляками. А впрочемъ, я думаю, что Херсонцы да Екатеринославцы правду говорятъ - да они же никогда и не брехали - что въ Полтавской да въ Черниговской мало осталось чистыхъ, настоящихъ Украинцевъ: они вышли было тому время на Кубань да на Бугъ, въ Херсонскую, въ Екатеринославскую; они-то были родовитые Запорожцы; сколько было у нихъ дѣдовъ, столько было и оселедцевъ, чубовъ; а нынѣшніе Полтавцы, да Черниговцы - это все уже обмоскалилось, все переводня.

Оленка сдѣлала что мать наказывала: затопила печь, вымыла, обмыла Ивашка, вычесала, опатрала его, какъ слѣдуетъ, на жаркое, а какъ печь истопилась, вымела ее помеломъ, на которомъ матушка ея родная пускается подчасъ въ походъ, и говоритъ Ивашкѣ: «садись на лопату!» - Не вмію - говоритъ Ивашка. «Ну, клади руку!» - Не

вмію. - «Клади ногу!» - Не вмію. - «Да садись же весь!» - Да не вмію, и только; покажи сама какъ сѣсть, такъ и сяду. - «Садись, какъ умѣешь» говорила Оленка. Ивашко взялъ да и развалился поперегъ лопаты. Оленка стала его сажать въ печь - не лѣзетъ. «Да садись же, я говорю, хорошенько!» - Да я жь говорю тебѣ что не вмію; покажи какъ сѣсть, такъ я сяду. - Оленка, не долго думавъ, плюсъ сдуру на лопату! А Ивашко, ухвативъ лопату, шарасть ее, шелудивую дѣвчонку, въ печь, ухватилъ заслонку, приставилъ, ухватомъ приперъ, чтобъ еще не вылѣзла, а самъ въ двери, выбѣжалъ въ садокъ вѣдьминъ и взлѣзъ на топольку, сѣлъ въ самую маковку и оглядывается кругомъ - не видать и родины его; завезла его вѣдьма анаѳемская за пятьсотъ верстъ отъ родимой сторонки!

А вѣдьма, погостивши у Дядины въ Конотопѣ, и побесѣдовавши съ нею, пришла домой. Смотритъ: хата отперта, а никого нѣтъ; только собака встрѣчу ей изъ дверей выскочила, да чуть съ ногъ ее не

сбила. «Гедь, до супостата!» закричала на нее вѣдьма; а тамъ принялась бранить и Оленку. «Поганая дѣвка! вотъ ужь опять убѣжала куда-нибудь байдаки бить, а хату покинула, какъ-будто мы между святыми живемъ, что некому чего украсть! Такъ нѣтъ, ничѣмъ ее не уймешь, ни надоумишь; ты ей зась, она тебѣ ась; плюнь да и отойди! Погоди, вотъ я ее! Не съѣла ли еще, собака, моего жаркова, или, можетъ, не позабыла ли Оленка его изготовить, не упустила ли еще, чего добраго, проклятаго Ивашка?» Сама кинулася въ печь - нѣтъ, все цѣло! А какъ избѣгалася, утомилася, уморилася порядкомъ, то и принялась, недолго думавъ, немного разбирая, за расправу; да вотъ, покуда я говорю, а вы, слушаете ли не слушаете, а покрайности тутъ сидите да стоите, вѣдьма съѣла жаркое все до тла, и косточки обсосала, и пальцы обсмоктала.

Наѣвшись порядкомъ, вышла она въ садъ отдохнуть, легла подъ ту топольку, гдѣ сидѣлъ Ивашка, стала противъ солнышка кататься, а сама заливаясь

приговариваетъ: «Покачуся, повалюся, Ивашкинаго мяса наѣвшись!» А Ивашка, подслушавъ ее, началъ ее переговаривать: «Покатися, повалися, Оленкинаго мяса наѣвшись!» Вѣдьма смотритъ, дивится - никого не видитъ; обнюхиваетъ все, поднявъ морду по вѣтру - никого не слыхать. А вѣдьмы, сами знаете, чутьемъ слышатъ не хуже хортывъ панскихъ, охотничьихъ собакъ, да только по вѣтру; а противъ вѣтру, коли отъ чутья относитъ, такъ же мало чуютъ, какъ и мы грѣшные. Опять вѣдьма покатится и скажетъ свою поговорку, опять Ивашка ее передразнитъ, и опять она глядитъ и нюхаетъ и никого не находитъ. Можетъ, наѣвшись мяса этой дуры пошлой Оленки, и сама одурѣла, а то-бы ей давно догадаться да глянуть вверхъ: насилу-то пыку, морду свою, подняла до горы! нюхъ, нюхъ, нюхъ.... и учула Ивашка на деревѣ! Тутъ вѣдьма сперва начала на бѣднаго Ивашка совиные очи свои пялить, да снова обнюхивать, да снова вглядываться; а тамъ, какъ разнюхала да обглядѣла, что онъ, справду онъ: то и

засыпала его таки за одинъ духъ паскуднѣйшею бранью, какую гдѣ только кто слыхалъ; я жь говорю, что ей же ей, право, иной Москаль бы перекрестился отъ этакого сорому! Поди сюда, сякой, такой! «Не пойду» говоритъ Ивашко; «сама съѣшь!» Слѣзай, говорю! - «Не слѣзу!» - Я жь тебя, погоди, достану, коли ты не самъ сатана-летучка!

И стала вѣдьма, припавши, грызть зубомъ дерево; грызетъ, грызетъ, а сама кошкой мурнычетъ, у самой щепа только подъ зубами хруститъ. Ивашко сложилъ руки, ну читать «Отче нашъ» сколько его зналъ и помнилъ; хрусь, зубъ у вѣдьмы, клыкъ одинъ уломился, и чуть она имъ не подавилась. И то сказать, тополька была старая, нетонкая, и таки тверденька; а у вѣдьмы, у старой чертовки, клыки пріѣлись. Какъ тутъ быть? Опять къ пріятелю, до коваля. «Ковалю, ковалю, вотъ тебѣ костяной зубъ, а мнѣ скуй желѣзный!» Коваль взялъ вѣдьму въ станокъ, гдѣ куютъ коней: «это» говоритъ «не голосъ править; это работа

костоломная, тяжелая, потовая.» И такъ, въ станокъ вѣдьму, подтянулъ ее на подпруги, ротъ ей раззявилъ, выковырнулъ молоткомъ да чеканомъ остатокъ стараго клыка, сковалъ другой, желѣзный зубъ, закалилъ, загналъ молоткомъ ей въ десна, въ скулу, да еще посадилъ его на шипъ, подпилилъ, наострилъ, отпустилъ подпруги, - и выскочила вѣдьма изъ станка, что брыкливая кобыла послѣ ковки - только мы ее тутъ и видѣли!

Ну, счастливъ твой батька, ковалю, что люди не видали какимъ ты досужествомъ занимаешься! А еще крещеный человѣкъ, прости Господи, а на селѣ слыветъ и православнымъ! Къ чорту на ремешки пойдешь ты, на сыромятные, я тебѣ говорю, самъ сатана постолы изъ тебя, не сымая шкуры, станетъ выкраивать; всѣ бѣсы изъ тебя жилы потянутъ, изъ окаяннаго - вотъ тебѣ что, бусурманъ католыцкій!

А вѣдьма наша, прибѣжавъ домой, ну опять грызть да грызть подъ Ивашкою дерево, мурнычитъ да урчитъ, а щепа такъ и сыплется! Вотъ дерево уже маленько

прихилилося, погнулось; вотъ трещитъ - а вѣдьма и вдвое ретивѣй принимается за дѣло; вотъ трещитъ, летитъ, летитъ... А Ивашка, удалой хлопецъ, сидитъ себѣ да только, ухвативъ въ руки по суку, наводитъ, да направляетъ, прицѣливается... трещитъ, говорю, летитъ дерево, а Ивашка на лету прямо его направилъ вѣдьмѣ въ лобъ: какъ хряпнетъ ее, такъ, слышь, перелобанилъ, что ни же ногой не дрыгнула: таки, какъ говорится, не успѣла и гроши отказать, - тутъ и растянулась. Аминь тебѣ, поганая, цуръ тебѣ, пекъ тебѣ, толки воду на томъ свѣтѣ, коли еще смилуются надъ тобою, да развози ее, прицѣпивъ бочку къ хвосту, да переступая съ босой ноги на ногу по острымъ каменьямъ, по плитамъ чугуннымъ, каленымъ; а свинецъ кипящій въ глотку тебѣ, анаѳемская, коли хуже не будетъ; да купаться тебѣ по уши въ смолѣ кипяченой, да рогатинами желѣзными тебя изъ котла доставать, да толкачами туда усаживати!

Теперь бы Ивашкѣ нашему, поправившись и способившись съ вѣдьмою,

и байдуже, и нужды мало: такъ не знаетъ дороги домой, да и далеко итти; шутка, заволокла куда, окаянная, что и свѣту бѣлаго оттолѣ не увидаешь. Ну, какъ быть? Ивашко взлѣзъ опять на дерево, на дубокъ, сталъ поглядывать кругомъ: летитъ стадо гусей. Пора была поздняя, осенняя, да и день уже вечерѣлъ, такъ перелетная птица вереницами торопилась до зимы да до ночи добраться восвоясы. А почемъ они, скажите, путь-дорогу знаютъ, какими примѣтами до мѣстъ отдаленныхъ доходятъ, въ осень туда, на весну опять сюда, да еще и на старое гнѣздо попадаютъ, на дерево, на кочку въ камышѣ, до которой, не заплутавшись, и человѣку дважды не попасть!

«Возьмите меня съ собою» взмолился Ивашко, на гусей глядя, и запѣлъ имъ навстрѣчу:

Гуси, гуси, лебедята!
Возьмите мене на крылята,
Понесите мене до батенька,
До родной моей до матеньки.
А у батенька,

А у матеньки
Е що исты, пыты,
Будутъ мене любиты.

А гуси ему отвѣчаютъ: «Нехай, пусть, тебя задніе возьмутъ!» Вздохнулъ Ивашко, сидитъ и ждетъ. Вѣдь не много и людей такихъ найдется, чтобы пособили въ бѣдѣ горемычному; а гусь - птица, изъ царствія скотины, не разумнѣе человѣка, а глупъ, какъ и этотъ. Летятъ опять гуси; Ивашко взмолился имъ, и руки было-поднялъ; крѣпко низко летѣли - такъ та же пѣсня, тотъ же отвѣтъ. Летитъ третье стадо; вожакъ, сѣрый гусакъ, вытянувъ шею въ струнку, отвѣчаеть Ивашкѣ: «Нехай тебе гуска-кургузка возьметъ.» Оглянулся: летитъ отсталая гусочка-кургузочка, полхвоста вырвано: видно, лиса, не то волкъ отъ нея не за горой были, и низко летитъ, и вереницы своей не догонитъ, хвостомъ за нею слѣдомъ не управитъ. Ивашко, сидя на сучку, запѣлъ встрѣчную пѣсенку:

Ой гусочко,
Кургузочко,

Уси мене покидаютъ,
Одны до другихъ витсылаютъ -
А я хлопчикъ маленькій,
Далеко видъ матери родненькой.
Ой гусочко,
Кургузочко,
Може у тебе булы гусынята,
Озьми жь мене на крылята!

Гусочка-кургузочка, хоть и сама нездорова была, и сама черезъ силу перемогалась - а таки взяла Ивашка, посадила на себя, принесла его домой и ссадила подъ оконцемъ родительской хаты. Такъ всегда на свѣтѣ бываетъ: не подастъ великій, не подастъ богатый, не подастъ и сильный и большой; а подастъ убогій, что самъ бѣду бѣдовалъ, что рыба объ ледъ колотился, а можетъ и теперь еще порою поколачивается: тотъ знаетъ бѣду, не отринетъ и мольбу.

А у Ивашкиной матери тѣмъ часомъ все поспѣло на поминки по сыну. Уже почитай и смерклось. Мать Ивашкина достала изъ печи вареное и печеное, позвала мужа, да и сѣла съ нимъ вдвоемъ поминать сына, и

стала дѣлить она пирожки: «вотъ это тебѣ» говоритъ, «вотъ это мнѣ.» - А мнѣ? - спрашиваетъ голосъ подъ окномъ. Мать оглянулась, «кто тамъ пищитъ?» Нѣтъ отвѣта. «Ну, дарма, давай дѣлить блинцы - это тебѣ, это мнѣ; это тебѣ, это мнѣ.» - А мнѣ? - «Що за вража мате, що тамъ пищитъ?» Нѣтъ отвѣта. «Ну давай дѣлиться буханцами.» Опять тоже; мать было встала, да и подала въ оконце, за упокой сына, пирожокъ; такъ не беретъ нищій: пустите, говоритъ, въ хату. Вышла мать за порогъ: «Мати Божа и всѣ святые и присноправедные! Да это нашъ Ивашко, сынокъ нашъ, глазокъ нашъ, око наше, сердце подреберное!» Что за радость, за веселье! И казакъ, даромъ-что усами оброс, заплакалъ; одно то, что сынъ воротился, другое то, что извелъ онъ вѣдьму поганую, съ сѣменемъ и насимьямъ, съ родомъ и съ племенемъ. Крикъ, шумъ, галасъ; сбѣжалася вся слобода; подняли крикъ по улицамъ: «Ивашко тутъ, Ивашко пришелъ!» И всякъ, соскочивъ съ печи, изъ

проса, такъ босикомъ и дуетъ до казака посмотрѣть на радость, на веселье!

«Ну, баба,» сказалъ казакъ; «теперь справляй пиръ на весь миръ; что заработано въ годъ, сыпь на столъ въ день. Руки здоровы, ноги цѣлы; сыну мій, Ивашко, дома, а съ вѣдьмы, съ аспидской можетъ ужь давно черти лыки дерутъ; она не страшна болѣ, такъ Господь благословитъ насъ опять. А чумаковать пойду, возьму и сына съ собою: пусть поживетъ, какъ люди живутъ, свѣту побачитъ, пусть порадуется простору нашему, погуляетъ; а тамъ, коли Богу угодно, жинка, какъ воротимся, справляй другой пиръ: соли привезу тебѣ задаромъ, а можетъ и рыбы; всю слободу накормимъ, чтобъ знали и помнили казаченка Остапа-Пушкаря!»

В. ДАЛЬ